

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Часть первая.</i> Посланник	7
<i>Часть вторая.</i> Лига девственниц	75
<i>Часть третья.</i> Свободные духи	129
<i>Часть четвертая.</i> Первосцены	209
<i>Часть пятая.</i> Рабы и любовники	359
<i>Часть шестая.</i> Что в тайнах раскрывается тебе	463
<i>Часть седьмая.</i> Души в эпицентре	617

*Память, прорицание и фантазия —
прошлое, будущее и
миг грезы между ними —
все это одна страна,
проживающая один бессмертный день.*

Знать об этом — Мудрость.

Использовать это — Искусство.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ПОСЛАННИК

I

Гомер открыл дверь.

— Заходи, Рэндольф.

Яффе ненавидел то, как он произносил «Рэндольф», с еле заметным оттенком презрения, как будто Гомер знал каждое клятое преступление, которое Яффе когда-либо совершил, начиная с самого первого, легчайшего.

— И чего ты ждешь? — сказал Гомер, видя, как Яффе замешкался. — У тебя куча работы. И чем раньше ты ею займешься, тем быстрее я найду тебе что-нибудь еще.

Рэндольф вошел в комнату. Она была большой, выкрашенной в те же тошнотно-желтые и свинцово-серые цвета, что и каждый другой офис и коридор в Центральном почтовом отделении Омахи. Впрочем, стен было почти не видно. С каждой стороны выше головы громоздилась почта. Сумки, мешки, коробки и тележки конвертов, рассыпавшихся на холодном бетонном полу.

— Потерянные письма, — пояснил Гомер. — Хлам, который даже старая добрая почта США не смогла доставить. Вид потрясает, да?

Яффе сгорал от любопытства, но постарался этого не показывать. Он вообще старался ничего не показывать самодовольным типам вроде Гомера.

— И это все твое, Рэндольф, — сказал начальник. — Твой маленький райский уголок.

— И что мне с этим делать?

— Разобрать. Открыть, поискать что-нибудь важное, чтобы деньжата не отправились в топку.

— А в письмах есть деньги?

— В некоторых — да.— Гомер самодовольно ухмыльнулся.— Возможно. Но в основном тут всякая макулатура. Барахло, которое людям уже не нужно, и они отправляют его обратно в систему. Где-то, к примеру, написали неверный адрес, и письмо летает туда-сюда, пока не оказывается в Небраске. Не спрашивай почему, но когда они не знают, что делать с этим дерьмом, то всегда отправляют его в Омаху.

— Это середина страны,— заметил Яффе.— Врата на Запад. Или на Восток. В зависимости от того, с какой стороны стоишь.

— Только город не точно по центру,— возразил Гомер.— Но нам все равно свозят эту херню. И ее надо разобрать. Вручную. И займешься этим ты.

— Все разобрать? — спросил Яффе. Тут было работы на две, три, четыре недели.

— Все.— Гомер даже не попытался скрыть свою радость.— Тут все твое. Скоро набьешь руку. Если на конверте какие-то правительственные отметки, сразу кидай его в кучу на сожжение. Даже не открывай. Пошли они, правильно? Но вот остальные открывай. Никогда не знаешь, что там можно найти.— Он заговорщицки улыбнулся.— А всем найденным мы делимся.

Яффе работал на почте только девять дней, но этого хватило, хватило с лихвой, чтобы понять: множество отправлений перехватывали ее работники. Посылки вскрывали, а их содержимое похищали, чеки обналичивали, а над любовными письмами смеялись.

— Я собираюсь регулярно тебя навещать,— предупредил Гомер.— Так что не пытайся хоть что-нибудь

от меня спрятать. У меня на такое нюх. Я знаю, когда в конверте лежат купюры, и знаю, когда в команде заводится вор. Слышал? У меня есть шестое чувство. Так что не умничай, дружок, так как я и другие парни такого не потеряем. А ты хочешь быть в команде, разве нет? — Он положил широкую тяжелую ладонь на плечо Яффе. — Делись и дели поровну, верно я говорю?

— Я понял, — ответил Яффе.

— Прекрасно, — ответил Гомер. — Тогда... — Он раскинул руки перед комнатой, загроможденной мешками. — Тут все в твоём распоряжении. — Потом фыркнул, ухмыльнулся и удалился.

Быть в команде, подумал Яффе, когда дверь со щелчком закрылась, он никогда не планировал. Конечно, Гомеру он об этом говорить не стал. И даже позволил ему отнестись к себе с высокомерием; изобразил на все готового раба. Но в душе? В душе Яффе лелеял другие планы, другие цели. Вот только проблема заключалась в том, что он был так же близок к ним, как и в двадцать лет. А сейчас ему уже исполнилось тридцать семь. Почти тридцать восемь. На такого мужчину женщина лишний раз не взглянет. А люди харизматичным не называют. Яффе уже лысел, как и его отец. В сорок, скорее всего, останется вообще без волос. Лысый, без жены, а в кармане максимум сдача с пива, так как он не мог удержаться ни на одной работе больше, чем на год, (самое большее — на восемнадцать месяцев), а потому так и не выбился в начальники.

Рэндольф старался сильно об этом не думать, потому что, когда так случалось, ему сразу же хотелось причинить кому-нибудь вред, а прежде всего самому себе. Ведь это будет так просто. Ствол в рот, пока в горле не защекочет. Раз — и все. Без записки. Без объяснений.

Да и что ему писать? «Я покончил с собой, потому что не стал повелителем мира?» Смешно.

Но... именно им он и хотел быть. Никогда не понимал как, даже примерно не знал, куда двигаться, но эта цель всегда была с ним. Другие же поднимались из ничего, разве нет? Мессии, президенты, кинозвезды. Они вытянули себя из грязи, так же как рыбы, когда те однажды решили пройтись. Отрастили ноги, вдохнули воздух, стали чем-то большим, чем были. И если тупые рыбы смогли, то почему Яффе не может? Но приходилось торопиться. Пока ему не стукнет сорок. Пока он окончательно не облысеет. Пока не помрет, не сгинет и никто о нем даже не вспомнит, разве что как о каком-то безымянном придурке, который зимой 1969 года три недели ковырялся в комнате, забитой недоставленными письмами, открывая забытую почту в надежде найти там пару долларов. Какая жалкая эпитафия.

Он сел и взглянул на задачу, нагроможденную перед ним.

— Да пошли вы, — сказал Яффе. Он имел в виду Гомера. И кучу барахла перед собой. Но прежде всего он имел в виду себя.

Поначалу это была настоящая тягомотина. Суший ад — день за днем рыться в этих кипах.

Кучи хлама, казалось, совсем не убывали. Более того, пару раз они даже увеличивались благодаря ослабившемуся Гомеру, который возглавлял процессию своих батраков, тащивших еще больше мешков в комнату.

Сначала Яффе отделял интересные письма (увесистые; дребезжащие; надушенные) от скучных; потом частную корреспонденцию — от официальной и каракули — от чистописания. Приняв все эти решения, он

начинал открывать конверты, в первую неделю — пальцами, но те быстро покрылись мозолями и пришлось пустить в ход нож с коротким лезвием, который Рэндольф купил специально для этого, выуживая содержимое, как рыбак в поисках жемчужины, по большей части не находя ничего; иногда, как и обещал Гомер, внутри попадались деньги или чек, их он послушно предъявлял боссу.

— А ты хорош,— заметил Гомер после второй недели.— Действительно хорош. Возможно, надо взять тебя на полную ставку.

Яффе хотел послать его, но он говорил это слишком многим начальникам, которые сразу же после этого его увольняли, а потерять работу он не мог: надо было платить за квартиру, а отопление даже для одной комнаты стоило целое состояние, пока шел снег. К тому же, пока он в одиночестве часами сидел в Комнате мертвых писем, с ним начало что-то происходить, что-то, чему к концу третьей недели он начал радоваться, а после четвертой — понимать.

Он сидел на перекрестке Америки.

Гомер был прав. Омаха, штат Небраска, не была географическим центром США, но, по мнению Почтовой службы, вполне им являлась.

Линии связи пересекались, а потом пересекались снова, а потом бросали здесь своих сирот, потому что никто в других штатах не хотел иметь с ними дел. Все эти письма пересылались от побережья к побережью, но не находили адресатов. И в конце концов попадали к нему: к Рэндольфу Эрнесту Яффе, лысеющему ничтожеству с невысказанными амбициями и подавленной яростью, чей маленький ножик рассекал их, а маленькие глазки просматривали, и он — сидящий на перекрестке — начал видеть интимное лицо целого народа.

К нему попадали любовные письма и письма ненависти, требования о выкупе, мольбы, страницы, на которых мужчины рисовали свои стояки, валентинки с лобковыми волосами, послания с шантажом от жен, журналистов, сутенеров, адвокатов и сенаторов, рекламные рассылки, предсмертные записки, потерянные романы, «письма счастья», резюме, недоставленные подарки, отвергнутые подарки, письма, отправленные в пустоту, как послания в бутылке, в надежде обрести помощь, стихи, угрозы и рецепты. Столько всего. Но это было лишь самым малым. Хотя иногда от любовных писем на лбу Яффе проступал пот, а записки о выкупе заставляли думать, не убили ли отправители заложников из-за того, что на их послание так и не ответили, фабулы любви и смерти лишь мимолетно касались его. Куда убедительнее, куда трогательнее оказалась другая история, которую нельзя было так легко и четко сформулировать.

Сидя на перекрестке, Яффе начал понимать, что Америка вела тайную жизнь; прежде он не замечал ее даже краем глаза. О жизни и смерти он знал. Они были великими клише; этими близнецами одержимы песни и мыльные оперы. Но существовала и другая жизнь, на нее намекало каждое сороковое, или пятидесятое, или сотое письмо, а в тысячном о ней сообщалось с безумным простодушием. И когда они говорили искренне, то была не вся правда, а лишь ее начало, и каждый из авторов избирал собственный сумасшедший путь, чтобы рассказать о том, о чем рассказать практически невозможно.

Суть сводилась к следующему: мир был не таким, каким казался. Совершенно не таким. Разные силы (правительственные, религиозные, медицинские) сговорились, чтобы скрыть и заставить замолчать тех, кто хотя бы отдаленно об этом знал, но заткнуть рот всем или бросить

в тюрьму каждого они не могли. Некоторые мужчины и женщины проскальзывали сквозь сети, как бы широко те ни были раскинуты; они находили проселочные дороги, на которых их преследователи терялись, убежища по пути, где их кормили и поили как провидцев, там были готовы сбить с толку любых ищеек, пришедших поразнюхать. Эти люди не доверяли матушке Белл¹, а потому не пользовались телефонами. Они не осмеливались собираться группами, максимум — по двое, из страха привлечь к себе внимание. Но они *писали*. Иногда казалось, что у них нет другого выхода, словно охраняемые ими секреты казались слишком горячими и прожигали себе путь наружу. Иногда они знали, что охотники уже наступают и у них не появится другого шанса описать самим себе мир до того, как их поймают, одурманят и бросят за решетку. Иногда в каракулях даже чувствовалось бунтарское ликование, их отправляли на заведомо неразборчивые адреса в надежде, что письмо снесет голову какому-нибудь невинному бедолаге, который получит его по чистой случайности. Некоторые послания были настоящими потоками сознания, другие — точными, даже клинически выверенными описаниями, как вывернуть наизнанку мир какой-нибудь сексуальной магией или пожиранием грибов. В некоторых использовалась бессмысленная образность статей из «Нэшнл Инквайер», чтобы замаскировать свое послание. В них говорилось об НЛО и культах зомби; пересказывались новости о венерианских евангелистах или ясновидящих, которые разговаривали с мертвыми на телевидении. Но после

¹ Имеется в виду шутовское прозвище Bell Systems, системы телекоммуникационных компаний, которая с 1877 по 1983 год фактически владела монополией на телеграфное и телефонное сообщение в США.

нескольких недель внимательного изучения этих писем (и это было настоящее изучение; он чувствовал себя как человек, запертый в бесконечной библиотеке) Яффе научился видеть глупости насквозь, различая сквозь них подлинную историю. Он взломал код; не весь, но достаточно, чтобы окончательно подпасть под власть соблазна. Теперь, когда Гомер открывал дверь и вносил очередные шесть мешков корреспонденции, Яффе не раздражался, а напротив — с радостью встречал босса. Чем больше писем, тем больше зацепок; чем больше зацепок, тем больше надежды решить загадку. Недели превращались в месяцы, смягчалась зима, и он все больше убеждался, что существовала только одна тайна, а не несколько. Авторы, чьи письма были посвящены Завесе и тому, как отвести ее в сторону, искали свой собственный путь к откровению; каждый обладал собственным методом и метафорикой; но во всей этой какофонии с трудом пробивался один-единственный гимн.

И он был не о любви. По крайней мере, не такой, как у сентименталистов. И не о смерти, как интерпретировал бы ее буквалист. Нет, тут речь шла — причем в произвольном порядке — о рыбах и море (иногда даже о Море Морей); и о трех способах в нем плавать; и об острове, который Платон называл Атлантидой, но на самом деле тот был каким-то другим местом. Речь шла о конце мира, который, в свою очередь, оказывался лишь началом. А еще речь об искусстве.

Если точнее, о настоящем Искусстве.

Из всех шифров Яффе бился более всего именно над этим, но только разбил себе лоб. Об Искусстве говорилось столькими именами. Как о «Великой финальной работе». Как о «Запретном плоде». Как об «отчаянии да Винчи», как о «пальце в пироге». Способов описать его

существовало много, но Искусство было только одно. А вот (и тут крылась тайна) никакого Художника не было.

— Так тебе здесь нравится? — сказал Гомер как-то майским деньком.

Яффе оторвался от работы. Вокруг него валялись письма. А кожа, и так не особо здоровая, казалась такой же бледной и вытравленной, как и страницы, зажатые в ладони.

— Конечно, — ответил он, едва взглянув на начальника. — У тебя еще что-нибудь есть для меня?

Гомер поначалу не отреагировал. А потом произнес:

— Что ты скрываешь, Яффе?

— Скрываю? Я ничего не скрываю.

— Ты, похоже, прячешь то, чем должен делиться с нами.

— Ничего подобного, — сказал Яффе. Он скрупулезно исполнял первый приказ босса, гласивший, что всем, найденным в письмах, надо делиться. Деньгами, порножурналами, дешевой бижутерией, которые изредка попадались в конвертах, — все шло Гомеру. — Ты получаешь все. Клянусь.

Гомер взглянул на него, явно не веря ни одному слову:

— Ты, ушлепок, каждый час, каждый день торчишь здесь. Никогда не общаешься с другими парнями. Не пьешь с ними. Что, не нравится наш запах, а, Рэндольф? Так ведь? — Ответа он ждать не стал. — Или ты просто вор?

— Я не вор, — сказал Яффе. — Можешь сам поискать. — Он встал, поднял руки, в каждой было зажато по письму. — Обыщи меня.

— Да я, гнида, даже касаться тебя не хочу. — Ответ Гомера пришел быстро. — Ты за кого меня принима-

ешь? За пидора? — Он не сводил глаз с Яффе, потом продолжил: — Я направлю сюда кого-нибудь другого, чтобы тебя заменил. Ты тут уже пять месяцев. Достаточно. Я тебя перевожу.

— Но я не хочу...

— Что?

— В смысле... я хочу сказать, что мне здесь нравится. Реально нравится. Мне нравится на этой работе.

— Ага.— Подозрения Гомера явно не развеялись.— В общем, с понедельника выметайся отсюда.

— Почему?

— Потому что я так сказал! Не нравится — ищи другую работу.

— Но я же хорошо выполняю свои обязанности, разве не так? — спросил Яффе.

Гомер уже повернулся к нему спиной, но уходя, ответил:

— Тут дурно пахнет. Отвратительно воняет.

Синхрония — вот слово, о котором Рэндольф раньше понятия не имел, но узнал из писем. Ему пришлось купить словарь, чтобы посмотреть его значение, и он выяснил, что смысл его заключался в том, что иногда события совпадают. Авторы посланий использовали слово в том смысле, что нечто значительное, таинственное, даже чудесное происходило в том, как одно обстоятельство сталкивалось с другим, как будто вне человеческого взгляда существовала некая закономерность.

Именно такое столкновение произошло в тот день, когда Гомер решил ошарашить Яффе, пересечение событий, которое изменит все. Буквально через час после того, как босс ушел, Яффе вынул свой небольшой ножик, который уже затупился, и вскрыл необычно

тяжелый конверт. Оттуда выскользнул небольшой медальон. Он упал на бетонный пол с мелодичным звуком. Рэндольф поднял находку, хотя руки все еще тряслись после ухода Гомера. Цепочки у него не было, и даже петелька отсутствовала. Да, медальон казался недостаточно красивым, чтобы висеть на женской шее в качестве украшения, и хотя был выполнен в форме креста, при ближайшем рассмотрении оказался явно не христианским. Четыре его луча были одинаковой длины, причем не более полутора дюймов. На перекрестье виднелась человеческая фигура, не мужская и не женская, с раскинутыми руками, словно при распятии, но не пригвожденная. На лучах были изображены абстрактные узоры, каждый заканчивался кругом. Лицо фигуры казалось очень простым, но, как подумал Яффе, на нем виднелся еле заметный намек на улыбку.

Он мало знал о металлургии, но прекрасно понимал, что находку сделали не из золота или серебра. Даже если счистить с нее грязь, навряд ли она когда-либо засияла бы. Но тем не менее в ней чувствовалось что-то неизъяснимо привлекательное. Когда Рэндольф смотрел на нее, у него появлялось ощущение, как будто он проснулся после яркого сна, не в силах вспомнить его подробностей. Он нашел нечто важное, но вот почему, понять не мог. Может, символы, расходящиеся от фигуры, отдаленно напоминали те, которые встречались ему в каком-то из писем? За последние двадцать недель он просмотрел их тысячи и тысячи, и во многих находились небольшие зарисовки, зачастую непристойные, а часто неразборчивые. Те, которые казались Яффе самыми интересными, он втихую выносил из Почты, чтобы ночью изучить детальнее. Целая стопка таких лежала под кроватью у него в комнате. Может,

с их помощью он сумеет взломать сновидческий шифр медальона?

Рэндольф решил сегодня пообедать с остальными работниками, думая, что сейчас нужно как можно меньше раздражать Гомера. Это было ошибкой. В компании старых добрых малых, болтающих о новостях, про которые он месяцами не слышал, о качестве стейка прошлым вечером, о перепихоне, который у них случился или не случился после стейка, и о том, что принесет им грядущее лето, Яффе почувствовал себя чужим. И они тоже об этом знали. Говорили, отвернувшись от него, иногда понижая голос, шепотом упоминая о его странном виде, его диких глазах. И чем больше сторонились, тем с большей радостью он оставался в стороне, так как они знали, даже такие дебилы знали, что он от них отличается. Может, они даже слегка его боялись.

Рэндольф не мог заставить себя вернуться в Комнату мертвых писем к часу тридцати. Медальон и его таинственные знаки прожигали дыру в кармане. Ему надо было вернуться в свою квартиру и немедленно приступить к поискам в личной библиотеке. Не желая тратить слова на Гомера, он так и поступил.

Стоял прекрасный солнечный день. Он задернул шторы, препятствуя вторжению солнца, включил лампу с желтым абажуром и там, в желтушной лихорадке, принялся изучать, прикрепляя письма с хотя бы намеком на картинки к голым стенам, а когда на стенах места не осталось, принялся выкладывать их на стол, кровать, стул и пол. А потом Яффе начал исследовать листок за листком, знак за знаком в поисках хоть чего-нибудь, что напоминало бы медальон в его руке. И пока он так делал, одна и та же мысль неумолимо вползала ему в голову: что было Искусство, но не существовало